

Морозова Ирина Глебовна
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва,
кафедра иностранных языков факультета
мировой экономики и мировой политики,
[*igmorozova@hse.ru*](mailto:igmorozova@hse.ru)

МНОГОЯЗЫЧИЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОЦИОКУЛЬТУРНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕСТВА

Для современного общества характерны интенсивные миграционные процессы, отражающие социально-экономические и этнополитические изменения в мире в эпоху глобализации. Всё более тесными становятся экономические, политические и культурные контакты, формируется единое коммуникационное пространство. Во многих сферах жизни можно наблюдать, как стираются этнокультурные различия между народами, как всё больший вес приобретают общие ценности, наднациональные черты. В связи с этим возникают опасения, что масштабная миграция размывает социокультурное ядро отдельных этносов, в результате чего расшатываются основы национальной идентичности, становятся неопределёнными её критерии. Поэтому одна из важнейших задач современности заключается в том, чтобы человечество, не отказываясь от национальной уникальности каждого народа, научилось использовать преимущества глобализации для обеспечения устойчивого развития и достижения социальной гармонии, что возможно на основе взаимопонимания между различными этническими и социальными группами, объединёнными системой новых ценностей.

Глобализация, являясь сложным, многоуровневым процессом, представляет собой единство двух взаимосвязанных процессов – собственно глобализации и локализации, где локальное формируется под воздействием глобального, и в то же время наблюдается и обратный процесс: глобальное впитывает в себя элементы локального, что в идеале должно составлять основу постиндустриального общества. Однако по-прежнему открытым остаётся вопрос о путях совмещения глобального и локального как в целом, так и в рамках отдельных культур. Глобализация предполагает распространение универсальных ценностей, оставляя локальным культурам право на самоопределение. Попытки распространения регулирования на сферу локальных культур часто расцениваются как угроза потери национальной, этнической и других видов идентичности.

Самобытность культур является необходимым компонентом функционирования современных обществ. Принадлежность к определённой социальной общности и культуре придаёт людям уверенность, создаёт чувство безопасности и социальной защищённости.

Связующее ядро культуры составляют системы ценностей, представлений, поведенческих кодов и мотиваций, упорядочивающих и регламентирующих поведение индивидов. В результате их усвоения формируется социокультурная идентичность, которая осознается в сопоставлении «своего» и «чужого». В процессе идентификации субъект может распознать «своего» или «чужого» в «своём» или «чужом» лингвокультурном пространстве. Наличие поведенческого стереотипа по отношению к «своим» и разным типам «чужих» позволяет субъекту коммуникации экономить усилия, снижает неопределённость существования, помогает адаптироваться к среде и быстрее реагировать на её изменения. В межкультурной коммуникации понятие «чужой» имеет ключевое значение, поскольку при восприятии различных инокультурных явлений действуют когнитивные фильтры, позволяющие индивиду выделить себя из среды «других» и «чужих». «Чужая» культура всегда познаётся и оценивается на фоне «своей»[1].

Поскольку язык является главным инструментом межкультурного взаимодействия, из всех видов идентичности наибольший интерес представляет рассмотрение социокультурной идентичности и выяснение роли языкового фактора в формировании этой идентичности. Языковой коллектив, с одной стороны, и конкретный человек, с другой стороны, являются носителями культуры в языке. Человек осознаёт свою идентичность в рамках своей принадлежности к той или иной культуре, субкультуре, что фиксируется в языковом сознании индивида и отражается на его коммуникативном поведении. В условиях глобализации идентичность неизбежно претерпевает изменения, приобретая ряд новых, не свойственных данной культуре оттенков. Часто заимствованные элементы, кажущиеся более привлекательными, вытесняют какие-то элементы традиционной культуры. Глобализация в области культуры имеет ярко выраженную тенденцию к унификации локальных сообществ, в результате чего традиционное культурное пространство трансформируется, теряются прежние ориентиры, появляется чувство нестабильности и неопределённости. Возникает потребность опереться на что-то знакомое и понятное, начинается поиск привычных ориентиров, в роли которых чаще всего выступают элементы этнической культуры. Обращение к культурному наследию, использование в новых условиях достижений и исторического опыта «родной» культуры помогает сохранить традиционные символы, нормы и ценности, сложившиеся в обществе и проверенные многолетней практикой. Современные условия требуют постоянной «расшифровки» прежнего культурного опыта, его переоценки и адаптации к новой ситуации. Стремление поддержать элементы национальной идентичности и сохранить самобытность культуры реализуется в ряде стран на государственном уровне. Во Франции, например, приняты законодательные акты,

защищающие французский язык, установлен порог французского и европейского участия в теле- и радиовещании, подобные ограничения приняты в Китае.

Таким образом, в противовес движению к обезличенной однородности ставится задача сохранения национальных особенностей, происходит усиление первичной идентичности, которая приобретает качественно новые характеристики. Сосуществование разных форм и стилей жизни, разных моделей поведения должно стать основой устойчивого развития и социальной гармонии. Очевидно, что даже без иммигрантов наше общество было бы разнообразным в культурном смысле: эстетические предпочтения, моральные стандарты и вопросы веры, привычки и запросы – все эти обстоятельства создают разные «миры», можно сказать – «параллельные» общества. Однако решающее значение имеет тот факт, что этим «параллельным мирам» удаётся уживаться вместе. Полноценное знакомство с культурой другого народа предполагает не только изучение материальной составляющей этой культуры, но и попытку взглянуть на мир глазами носителей этой культуры. Сделать это можно не иначе, как «узнав» язык, на котором говорят представители данного культурного социума, а точнее – проникнув «в образ мышления нации, в её способ видения мира» [3, с.78]. Для успеха межкультурной коммуникации, полноценного культурного диалога необходимо, чтобы идентичности формировались не односторонне, а в контактирующих культурах, т.е. чтобы осуществлялось движение культур навстречу друг другу, в процессе чего происходит понимание иных ценностей и норм и осознание собственного культурного своеобразия. От эффективности межкультурной коммуникации во многом зависит общественная стабильность и социальная безопасность.

Как уже говорилось выше, современные изменения касаются базовых элементов культуры – языка, духовных ценностей, стандартов поведения, традиций. Идентифицировать себя не только как личность, но и как члена какого-то социума можно только с помощью языка, который обеспечивает взаимопонимание в данном социуме. Язык, прежде всего литературный, объединяет поколения людей, именно нормы литературного языка обеспечивают преемственность речевых и культурных традиций. Расшатывание норм далеко не безобидно, если оно способствует потере понимания между людьми, принадлежащими одной культуре и «как будто говорящими на одном языке» [2, с.79]. Но в то же время «язык преобразовывается и перестраивается, чтобы соответствовать новым идентичностям и контурам цивилизаций» [9, с.87].

В связи с изменениями, происходящими в результате глобализации и затрагивающими все сферы нашей жизни, возникает вопрос: есть ли угроза существованию национальных языков, когда стираются грани между культурами, а средством межкультурного общения становится английский язык, претендующий на роль мирового

языка? Англицизмы (американизмы) стремительно проникают в языки современных наций и приносят с собой представления и ценности чужой культуры, распространяя тем самым также «американский образ жизни». Английский язык, бесспорно, стал универсальным межкультурным средством общения, но можно ли его рассматривать в качестве мирового языка, не имеющего альтернативы? По мнению С. Хантингтона, язык, не являющийся родным для 92% мирового населения, не может быть мировым языком, это только средство общения, а не источник идентичности или общности [9, с.81]. Использование английского в качестве средства межкультурного общения помогает поддерживать и даже усиливать различные культурные идентичности народов. «Именно потому, что люди хотят сохранить свою собственную культуру, они пользуются английским для общения с людьми из других культур» [9, с.83]. Его называют мировым языком – *lingua franca*, т.к. это язык, который используется людьми различных языковых групп и культур для общения друг с другом. Но, с другой стороны, люди, которые говорят на английском в разных частях света, всё больше говорят на разных английских. Английский приобретает местный колорит, который отличает его от британского или американского варианта английского, и различия доходят до того, что люди, говорящие на этих английских, почти не понимают друг друга. Нигерийский пиджин-инглиш, индийский английский и другие формы английского внедряются в соответствующие принимающие культуры, и они, по-видимому, будут продолжать различаться, пока не станут схожи внутри отдельных культур, точно как романские языки эволюционировали из латыни [9, с.83].

Тем не менее, английское «одноязычие» воспринимается многими как опасность для других, неанглоязычных, культур. Это касается прежде всего научной сферы и, особенно, многих разделов гуманитарного знания: философии, литературы, юриспруденции и др. Проведение международных научных конференций на английском языке аргументируется следующим образом: язык науки не должен быть национально ориентированным, т. к. это препятствует взаимопониманию учёных. Наверное, было бы прекрасно, если бы учёные всего мира говорили на одном языке, но для мысли, в том числе для научной, важно не только содержание, но и форма, т. е. как это содержание выражено. «Переходя на другой язык, мы заимствуем другой язык, другое видение проблем, другой способ рассуждать о мире в целом. А для продуктивности научных исследований плохо, если все будут думать принципиально одинаково» [5].

Альтернативой англоязычному «одноязычию» должна стать целенаправленная поддержка «многоязычия» в современных сообществах. Межкультурная коммуникация, основанная на «сосуществовании» и «взаимовлиянии» различных языков, происходит в рамках общения между представителями различных национальностей, а также участниками

разнообразных «сцен» и «субкультур» с их «социолектами». Пёстрая «языковая смесь», возникающая в результате языковых контактов, языковая трансференция – наличие элементов одного языка в другом – является распространённым явлением в многоязычных культурах. Язык иммигрантов активно черпает заимствования из языка страны проживания, «переваривая» их и адаптируя к родному языку.

Особенности взаимоотношений языка и культуры (языков и культур) интересно изучать на примере «языкового воспитания» многоязычных детей в смешанных семьях, например, если родители, носители двух разных языков, иммигрируют в страну «третьего» языка. В этом случае трёхязычный ребёнок «разрывается» не только между мощными «магнитами» – тремя языковыми системами, но и между тремя культурами, тремя традициями воспитания. «Натуральный билингв», как правило, усваивает несколько культур изнутри, глубоко, потому что языки и стоящие за ними культуры означают для ребёнка естественную среду, речевую повседневность, бытовое поведение родных и близких. И от взрослых будет зависеть, насколько эти культуры повлияют на его образ мыслей и стиль жизни в будущем. Хотя и принято считать, что в случае натурального билингвизма всё «впитывается с молоком матери», без определённых усилий со стороны родителей «мультикультурность» сама по себе не станет частью личности ребёнка. Решающую роль в этом должно сыграть языковое воспитание, направленное на освоение нескольких языков, которые для билингва по сути могут стать (и в идеале должны стать) родными: неслучайно по отношению к многоязычным семьям стали применяться термины: первый родной язык, второй родной язык и т.д. По словам филолога и педагога Елены Мадден, проживающей в Германии и воспитывающей своих «трёхязычных» детей, языковое развитие не идёт само собой – языком надо заниматься, необходима постоянная тренировка в многоязычии, т.к. оно «не есть нечто статичное, оно всегда в движении, всегда под угрозой исчезновения», это – «балансирование на шаре: остановишься – упадёшь» [4, с.185].

Сменив место жительства и попав в «чужую» среду, русскоязычные иммигранты, как правило, оказываются в ситуации двуязычия, контакта двух языков – русского и немецкого. Немецкий язык становится для них средством общения с новым окружением, позволяющим реализовать себя на «новой» родине. В то же время они сохраняют свой язык и поддерживают связь с «первой» родиной, с родственниками и друзьями, имеют доступ к русскому телевидению, русскоязычной литературе, прессе и т.д. Немецкий язык первоначально становится инструментом взаимодействия с государственными институтами, а общение внутри семьи осуществляется по-русски. Даже если в семье есть установка на использование немецкого языка, русский язык всё равно используется еще долгие годы. К тому же большинство иммигрантов получило образование на русском языке, поэтому он

остаётся для выходцев из стран постсоветского пространства важнейшим средством коммуникации, хотя в следующих поколениях эта тенденция уже не так очевидна. За несколько десятилетий на территории Германии сформировалась многочисленная русскоязычная диаспора со своей медийной, торговой и развлекательной инфраструктурой. Наиболее активная часть этой диаспоры прекрасно освоила немецкий, но поскольку базой ее успеха является более или менее стабильная русскоязычная среда, то деловая элита заинтересована в сохранении русского языка как средства общения. Таким образом, у «русскоязычных» в Германии стратегия сохранения родного языка идёт вразрез с первоначальным желанием влиться в немецкое общество. Многим из них легче изолироваться, создав свой «русскоязычный мир», чем погрузиться в чужую среду, оказавшуюся не такой «комфортной», как они ожидали. Это, конечно, замедляет процесс интеграции наших бывших соотечественников. Такое сдерживание интеграции обеспечивается и новыми жизненными обстоятельствами – свободой перемещения и доступностью электронных и печатных СМИ на родном языке. Физически большая часть русских живёт в Германии, оставаясь при этом в информационном и – в значительной степени – политическом пространстве России. Поэтому конфликт поколений – родителей, «вывезших» свой язык, и детей – протекает в диаспоре острее, чем в языковой метрополии: дети, вырастая в немецкой среде, предпочитают немецкий язык русскому. Далеко не всем родителям удаётся сохранить равновесие между двумя языками и культурами, да и не все к этому стремятся. Но если в семье мало внимания уделяется родной речи, то дети могут вырасти «полуязычными». Полуязычие, так называемый семилингвизм, при котором имеет место частичная утрата родного языка (или неполное владение им) и одновременно неполное усвоение другого языка, является следствием отказа от родного языка прежде, чем был усвоен второй язык. «Если родители отказались от родной речи, вернуться к ней позднее очень трудно: дети повторной смене языка отчаянно сопротивляются» [4, с.6]. Если дети иммигрантов в Германии в недостаточной степени усваивают дома и среди непосредственного окружения свой родной (первый) язык, а немецкий (второй) язык практически не усваивают вообще, то дефицит знаний немецкого языка, становящийся очевидным к моменту поступления в школу, часто уже не может быть компенсирован. К сожалению, в результате изоляционных тенденций дети языковых меньшинств и в школе оказываются по-прежнему в своём кругу, что значительно осложняет их интеграцию в немецкое общество.

Большинство иммигрантов являются представителями асимметричного билингвизма с одним доминирующим языком. Как правило, это язык, который чаще используется для коммуникации и на котором индивид владеет письмом. Язык, с помощью которого билингв

или мультилингв решает наибольшее количество коммуникативных задач в общении с разными адресатами, говорящими на данном языке, является «функционально основным», а другой язык (или языки) – «функционально неосновным», или «функционально непервым» [6, с.34]. Тогда двуязычие (или многоязычие) представляет собой «зависящую от природы общения приобретённую способность личности к активной устойчивой коммуникации на двух или нескольких языках, один (или более) из которых является в жизни индивида функционально основным (первичным), а остальные функционально непервыми» [6, с.35]. Билингвы обычно «распределяют» языки, которыми они владеют, используя их в зависимости от условий общения: в ситуациях, когда уместен один язык, второй язык «отключается». Например, в официальной обстановке, при общении с властью активизируется преимущественно один язык – язык большинства, а в повседневной жизни, в семье – другой, как правило, «привезённый» родной язык. При этом, если необходимо воздействовать на эмоции и образное восприятие получателя информации, то предпочтение отдаётся родному языку. Основными формами взаимодействия языков при билингвальном типе коммуникации являются интерференция и переключение кодов. При неполной деактивации одного из языков наблюдается его интерференция в речи на другом языке, особенно если компетенция во втором языке недостаточно высокая [10, с.23]. При производстве высказывания в речи билингва часто происходит чередование активности двух или нескольких языков – переключение кодов, которое может быть вызвано, например, сменой адресата, т. е. собеседника, к которому обращается говорящий. Если тот владеет только одним из двух языков, которые знает говорящий, то последнему приходится использовать знакомый адресату язык. Способность к переключению кодов свидетельствует, как правило, о достаточно высокой степени владения языком (языками) и определённой коммуникативной культуре человека. Механизм кодовых переключений обеспечивает взаимопонимание между собеседниками и относительную комфортность процесса речевой коммуникации.

Переключения языковых кодов, иноязычные «вкрапления» часто производят комический эффект, что используется в художественной литературе в качестве стилистического средства, характеризующего язык персонажей, например: *«Я не могу dormire в потёмках»* (А.С. Пушкин «Дубровский»). *«В Торонто заарендуешь кар ... выедешь на хайвэй, там возьмёшь шестой экзит, проедешь ровно два майла, на шулдере увидишь голубой шевроле... Фолуй за этим шевроле»* (Владимир Войнович «Москва 2042»).

Яркое и точное определение подобной «смеси» языков дала Татьяна Толстая по поводу следующего диалога: *«Фиш свежайший, – уговаривает продавец, – малосольный*

салмон, к нам аж с Филадельфии ездют. – А джус вон тот, строберри, что, немецкий?– Джус польский. А вот язык, очень рекомендую, шо-то исключительное. – Та он в аспике? – Ну и то, што в аспике?! Шо, што в аспике?! Мы сами его дома с удовольствием кушаем».

«Ужас в том, что эти люди, по всем лингвистическим меркам, говорят всё-таки по-русски. Грамматика этого эмигрантского волапука – русская, и никакое количество английских корней, вытеснивших привычные русские корни, не превратит этот язык в английский. Ужас и в том, что ни нормальный русский человек, ни нормальный американец не признают эту языковую плазму за внятную человеческую речь. Тем не менее, на этой плазме изъясняются по всей Америке – много, много людей» [8, с.386].

Следует отметить, что границы между «вкраплениями», кодовыми переключениями, и заимствованиями довольно расплывчаты. Во многих случаях трудно определить степень узуализации немецких элементов в русской речи мигрантов. Тем не менее, высокая частотность употребления некоторых лексем может свидетельствовать о том, что они уже не индивидуальны, а вошли в лексическую систему русского идиома данной группы говорящих, например: *термин* (*der Termin* – деловая встреча, назначенная на определенное время), *арбайтсамт* (*das Arbeitsamt* – биржа труда), *бевербунг* (*die Bewerbung* – лексема, не имеющая в русском языке однословного эквивалента, означающая: заявление о приеме на работу, о назначении на должность или о зачислении в учебное заведение). Образование новых слов происходит в основном по правилам русского языка с использованием корня, заимствованного из немецкого языка: *бератеры* – консультанты (*Berater*), *бетройша* – куратор-женщина (*Betreuerin*), *штихпункты* – основные моменты (*Stichpunkte*), *меньга* – множество (*Menge*). Этому процессу подвержены не только существительные, но и другие части речи: *митовать* (*die Wohnung mieten*) – снимать квартиру; *замельдоваться* (*sich anmelden*) – зарегистрироваться; *шварцевать* (*schwarz arbeiten*) – работать «по-чёрному» (неофициально, не платя налоги); «*абшлэпать машину*» (*den Wagen abschleppen*) – эвакуировать автомобиль.

Использование словообразовательных и словоизменительных элементов русского языка преобразует заимствованные слова, благодаря чему они приобретают новую экспрессивную форму: *ангебот* (предложение) – *ангеботина*; *нудель* (лапша) – *нудельки*; *шпацирить* (гулять) – *шпацирнуть*; *чус* (пока) – *чусики*, *кнайпа* – *кнайпочка*, *фестенький* (твёрденький), *кинд* (ребёнок) – *киндёныш* (детёныш). После того, как заимствованное слово вошло в язык, оно часто начинает "жить своей жизнью", независимой, как правило, от жизни прототипа этого слова в языке-источнике. От заимствованного слова, по мере его полного освоения, могут быть образованы производные слова, претерпевающие те или иные

семантические изменения, в результате которых заимствованное слово может получить в языке-реципиенте иное значение, чем в языке-источнике, например: *sozial* (социальный) – *социал* (социальная помощь, социальное пособие) – *жить на социале* (получать социальное пособие) – *социальщик* (получатель социального пособия); *редуцированный* (по сниженной цене, от нем. *reduziert*).

Отдельную группу составляют слова, воспринятые в основном на слух и искажённые при воспроизведении почти до неузнаваемости. Если в слове «*арбайзам*» можно относительно легко распознать немецкое «*Arbeitsamt*» (*биржа труда*), то даже хорошее владение немецким языком вряд ли поможет быстро расшифровать слово «*фердзихер*» (*Versicherungsvertreter*), которое обозначает страхового агента. При помощи игры слов могут возникать коннотации, понятные только носителю русского языка. Так, слово «*арбайтслёзы*» (нем. *arbeitslos* – безработный), обозначающее пособие по безработице, указывает на небольшой размер этого пособия – такой маленький, что «хоть плачь». Особенностью такого «смешанного» языка является его относительная неустойчивость и вариативность форм. При этом носителям немецкого языка, даже хорошо владеющим русским языком, будет значительно труднее понять этот «гибрид», чем русским, которые хоть немного знают немецкий. Это объясняется прежде всего тем, что в подобном «языковом миксе» нарушается, причём до неузнаваемости, звуковая, морфологическая, грамматическая и синтаксическая структура немецкого языка.

Вот ещё некоторые примеры «креативной шпрахи» (языка): *отсылать бевербунги* (*заявления о приёме на работу*), *подтверждение арбайтсамта* (*биржи труда*), *переписка с финанцамтом* (*финансовым ведомством*), *покупать вайсвюрстхены* (*белые сосиски*) в *метцгерае* (*мясной лавке*), *жарить братвурсты* (*жареные колбаски*), *кексен бакен* (*печь печенье*), *бротхен* (*хлебушек*) *свеженький*, *с порезанным лаухом* (*луком*), *гефюльте фиш* (*фаршированная рыба*), *поспрашивать у бауэров* (*фермеров*) *на вохэнмаркте* (*еженедельном рынке*), *моя тохтерхен* (*моя дочурка*), *майне зюся* (*моя сладкая*) [7]. Такие «языковые смеси» характерны для повседневного общения и используются прежде всего в таких жизненно важных сферах, как поиск работы, здоровье, еда, покупки. Чем абстрактнее темы, тем больше вероятность языковой однородности, чистоты. Тогда переключение кодов происходит чаще на межфразовом уровне, то есть чередуются более или менее целые, оформленные в смысловом отношении фрагменты. Бытовая речь больше подвержена переключениям кодов внутри фраз. И здесь как раз широкое «поле деятельности» для языкового творчества. Тот, кто впервые употребляет те или иные кодовые переключения, как правило, не ставит цели сделать их узуальными. Используя их, говорящий лишь удовлетворяет возникшую у него в данный момент потребность выразить свою мысль

доступными (в том числе на разных языках) средствами. Новообразования, возникшие в результате спонтанных, часто неосознанных переключений кодов, закрепляются в языке лишь после многократного повторения и, как правило, в том случае, если они исходят от разных лиц или воспринимаются и позднее перенимаются другими как удачные заимствования.

Следует отметить, что катализатором возникновения «смешанных и гибридных языков» часто является потребность в игровой, иногда даже провокационной форме обособиться от большинства. Использование таких языков представляет собой попытку самоидентификации и означает для говорящих языковое самоутверждение. В конечном счёте, «смешанные языки» представляют собой вербальное выражение единства, чётко очерченного границами собственной «сцены», для которой характерно, помимо прочего, использование оригинальных языковых находок. С вариантами немецкого языка, обозначаемыми примерно с 1960 года как «немецкий гастарбайтеров» и характерными для первого и, возможно, второго поколения приехавших в Германию трудовых мигрантов из разных стран, современные «смешанные языки» уже не имеют почти ничего общего. Многие их носители, в отличие от своих предшественников, выросли в немецкоязычной среде и блестяще владеют немецким языком. Что касается современных вариантов стандартного немецкого, «окрашенного» другими языками – «турецкого немецкого» или «русского немецкого», то речь сегодня идёт о сознательно выбранном самостоятельном «социолекте», который часто включает этническую принадлежность в ролевую игру. Подобное на материале «русского немецкого», так называемой «квели» – *Qweli* (со смешанным латинско-кириллическим алфавитом), возникло в Германии примерно в 1990 году в связи с возросшей иммиграцией из России. Разработчики *Qweli* пошли по следующему пути: они взяли за основу русскую грамматику и немецкие корни и стали творить новый «язык». Возникло даже целое течение – своего рода «фольклёрный микс», состоящий из стихотворений и песен, хорошо известных носителям русского языка и представляющих собой «гремучую смесь» немецких и русских слов и форм. Яркий пример «языкового творчества» представляет собой трансформированный текст известной в России детской песенки:

Им хой торчал кузнечик,

Им хой торчал кузнечик,

Und ganz wie огуречик

Хельгрюненький он был.

Гекомнулась лягушка,

Гекомнулась лягушка,

Гефресистое брюшко

И съела грасхонфа [11].

Данный вариант не требует перевода для носителей русского языка, хотя и представляет смешение как отдельных слов, так и отдельных элементов двух языков. Особенно интересна здесь форма прошедшего времени глагола – «гекомнулась» (от

«*gekommen – kommen*»), трансформированная в соответствии с правилами русского языка, причём это гибридное образование стало, в отличие от немецкого глагола, возвратным глаголом. Экспрессивный характер с оттенком комичности имеет сочетание *gefressenes Brötchen* (*gefräßig – прожорливый*). Непосвящённому, даже владеющему в равной степени немецким и русским языками, но не знающему русский первоисточник – детскую песню, трудно расшифровать значение подобных «шедевров», так как немецкие корневые морфемы практически «растворились» в новообразованиях. В роли «растворителей» здесь выступают русские приставки и суффиксы вместе с окончаниями, которые воспринимаются носителями русского языка абсолютно как «родные» не только на слух, но и зрительно, благодаря хорошо знакомому графическому оформлению. Следующий пример «креативной смеси» также прекрасно иллюстрирует «ассимилирующую» способность русского языка:

Блауер вагон бежит и швингает

И дер шнельцуг набирает ход.

А варум же этот день фершвиндает,

Золь он зих хинциен целый год.

Тепихом – тепихом дальний вез стелится

И упирается в блауер химелёк.

Едому – едому в бессере глаубится,

Ролится – ролится блауер цуганёк [11].

Как показывают приведённые выше примеры – глаголы: *швингает* (*schwingen*), *фершвиндает* (*verschwinden*), *глаубится* (*glauben*), *ролится* (*sich rollen*); существительные: *шнельцуг* (*Schnellzug*), *цуганёк* (*Zug* с русским уменьшительным суффиксом); местоимение *едому* (*jeder* в форме русского дательного падежа), грамматическая система русского языка в силу развитой морфологии оказывает довлеющее влияние на формы немецких слов.

Какую бы реакцию ни вызывали подобные языковые «миксы», их использование в условиях двуязычия и многоязычия уже превратилось в заметный социокультурный феномен, достойный серьёзного изучения, и подтверждает лишь тот факт, что культурное разнообразие всегда лучше однообразия, если оно примиряет людей друг с другом. Пришло время осознать, что многоязычие – норма, а одноязычие – исключение, и образованному человеку без владения несколькими языками в современном мире не обойтись. «Пока мы будем думать, что многоязычие – удел немногих, уделом немногих оно и останется» [4, с.170].

Литература

1. Герман Н.Ф. Лингвокультурная идентичность субъекта современной межкультурной коммуникации: автореферат диссертации на соискание научной степени канд. филол. наук. / Н.Ф. Герман – Челябинск, 2009 [Электронный ресурс] URL: <http://www.dissercat.com/content/lingvokulturnaya-identichnost-subekta-sovremennoi-mezhkulturnoi-kommunikatsii> (дата обращения: 26.03.2012).

2. Гудков Д. Б., Скороходова Е. Ю. О русском языке и не только о нём / Д. Б. Гудков, Е. Ю. Скороходова – М.: Гнозис, 2010. – 206 с.
3. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов – М.: КДУ, 2011. – 350 с.
4. Мадден Елена. Наши трехязычные дети / Елена Мадден – СПб: Златоуст, 2008. – 306 с.
5. Плунгян Владимир. Тезисы по теме «Язык будущего. Как мы будем говорить?» / Владимир Плунгян // Тематические досье проекта «www.goethe.de/russland – диалоги о модернизации» [Электронный ресурс] URL: <http://www.goethe.de/ins/ru/lp/kul/dur/spr/ein/ru7362918.htm> (дата обращения: 20.03.2011).
6. Пуссинен Ольга. Типы коммуникативных неудач при владении русским языком в качестве функционально непервого / Ольга Пуссинен // Языки соседей: мосты или барьеры? Проблемы двуязычной коммуникации. Сборник статей под редакцией Н.Б. Вахтина. – СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. – С.32-69.
7. Русские в Германии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cccp.de/talk/> (дата обращения: 20.05.2011).
8. Толстая Т. Надежда и опора. Сердца горестные заметы / Татьяна Толстая // День. – М., 2010. – С. 385-390.
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон – М.: Издательство АСТ, 2003. – 603 с.
10. Чиршева Г.Н. Кодовые переключения в общении русских студентов / Г.Н. Чиршева // Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 6. – Воронеж: ВГУ, 2008. – С. 63-79.
11. Креативная Quelia [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strannik.de/quelia> (дата обращения: 10.03.2012).